

служеніи церковномъ чувствуешь, что обновляешься душой, возрождаешься во Христѣ, Спасителѣ нашемъ! Хотя Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, родился однажды — девятнадцать вѣковъ тому назадъ, но Христосъ, какъ Спаситель человѣчества и отдѣльныхъ душъ въ немъ *духовно рождается постоянно* въ сердцахъ вѣрующихъ и только при условіи сего нравственнаго возрожденія Христа въ сердцахъ нашихъ и усвоенія христіанскихъ началъ въ жизни, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ и народовъ, и могутъ быть спасительны и благотворны плоды ученія Его. Вотъ этого-то нравственнаго возрожденія въ насъ духа, обновленія христіанскаго настроенія мыслей, чувствъ и желаній взамѣнъ обычной житейской суеты, и позвольте пожелать вамъ, дорогіе читатели, въ день праздника Рождества Христова! Поспѣшимъ за вифлѣемскими пастухами и восточными волхвами въ Вифлѣемъ — поклониться Богомладенцу Иисусу и принесемъ Ему въ даръ кротость, смиреніе, сознаніе своей духовной нищеты, дабы воспринять въ сердца наши тотъ миръ свыше, о которомъ воспѣли Ангелы при рождествѣ Его: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.

Прот. С. И.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ и графъ Левъ Толстой.

(Памяти незабвеннаго молитвенника Русской Церкви, дорогого батюшки, высокочтимаго о. Іоанна Кронштадтскаго, къ дню его кончины 20 го декабря).

II.

Вѣрный сынъ св. православной церкви, неисповѣдимыми путями промысла Божія поставленный на стражъ ея, высокочтимый о. Іоаннъ, какъ свѣтлый маякъ на всю Россію и даже на весь міръ ярко свѣтилъ изъ Кронштадта свѣтомъ Христовой вѣры съ самаго начала богоборчества Ясно-Полянскаго лжепророка и среди мрака и лжи, анархіи и смуты, посѣянныхъ имъ, лжепророкомъ, во-очію показалъ, что *Небеса живы, божественны и благо-*

датны, живы въ обиліи чудесъ, совершенныхъ молитвенникомъ гонимой Толстымъ Церкви Христовой, божественны и благодатны въ осмѣиваемыхъ имъ таинствахъ священства, евхаристіи и исповѣди! Ставшій въ ряды поруганнаго Толстымъ православнаго духовенства, служитель Божій, съ первыхъ же дней своего служенія Церкви поставившій, по его собственному признанію, сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, паству и священнослуженію, ежедневно совершая міроспасительную, животворную, какъ онъ самъ называлъ ее, Божественную Литургію,—взиралъ на чашу Христову совершенно какъ на Самого Господа, обнималъ ее, цѣловалъ ее, прикидалъ къ Ней, какъ къ Самому Господу, и ради величія принесенной Имъ Голгофской жертвы, съ дерзновеніемъ требовалъ, при повтореніи Ея въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи, исполненія молитвъ своихъ! И получалъ просимое! Вотъ гдѣ тайна величія о. Іоанна, величія его дара высшей силы христіанства—дара помогающей, исцѣляющей молитвы, непрестаннаго дара служенія страждущимъ и неимущимъ, дара вдохновенія на это, незнавшее отдыха, непрестанное служеніе, горѣніе духа!—Припомните, сколько, слезъ, скорбей, горя и страданій видѣлъ о. Іоаннъ въ жизни своей, когда къ нему, со всѣхъ концовъ міра, и въ личныхъ обращеніяхъ, и въ письмахъ, и въ телеграммахъ ежедневно обращались сотни и тысячи людей, просили молитвъ его, и онъ всецѣло отдавался этому людскому горю страждущихъ и обремененныхъ, и что-же, всецѣло отдаваясь ему, онъ былъ самъ всегда неизмѣнно свѣтель и радостень! Въ чемъ-же тайна его бодрости, силы и крѣпости, энергіи его духа и тѣла? Да въ томъ-же, въ чемъ сила и его благодатной помощи и исцѣленія душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, въ его крѣпкой и всегда живодѣйственной вѣрѣ въ Того, Кто—Господь нашъ и Владыка всего! Надъ бушующимъ моремъ жизни съ вздымающимися страшными волнами грѣха, порока, бѣдности, ожесточенія и горя, о. Іоаннъ всегда видѣлъ духовными очами вѣры своей свѣтлый Ликъ Хри-

ста, готоваго протянуть руку помощи всякому, кто-бы подобно Петру, утопая, коснулся края ризы Его! Онъ видѣлъ надъ волнами жизни и тотъ Крестъ Христовъ, въ свѣтлыхъ лучахъ котораго открывается намъ тайна искупленія, тайна нашего спасенія, и отъ этого креста, отъ животочной Божественной Крови, пролившейся на немъ, черпаль отецъ Іоаннъ свои таинственныя, сверхъестественныя силы, которымъ удивлялись и люди науки, вѣчно обновляясь и укрѣпляясь духомъ! «Надобно было видѣть, пишеть одинъ очевидецъ, о. Іоанна за литургіей въ алтарѣ, чтобы понять, какъ пламенно молился о. Іоаннъ, какъ ошутимы, какъ осязательны были для него тѣ тайны Божественной Литургіи, въ которыя мы вѣримъ такъ холодно и косно. Лицо о. Іоанна орошалось потокомъ слезъ за литургіей, и онъ постоянно бралъ съ собою нѣсколько платковъ, которые всѣ увлажнялись слезами его». Итакъ, вотъ гдѣ ключъ къ пониманію тайны величія служенія о. Іоанна, тайны того вліянія, какое онъ имѣлъ на свою паству, а эта паства его была вся великая, необъятная Россія! А какъ велико было это служеніе о. Іоанна на благо Церкви и матушкѣ Родинѣ, многострадальной отчизнѣ, врядъ-ли сейчасъ мы даже можемъ сознать и опредѣлить, говорить одинъ изъ свѣтскихъ публицистовъ. (Историч. Вѣстникъ, 1909 г. т. 115, стр. 657—669). Отъ Царскихъ палатъ до послѣдней убогой лачужки знаютъ имя его! Сколько исповѣдей, сколько стонровъ и слезъ человеческихъ, вырывавшихся изъ самой глубины души, было воспринято имъ, какъ пастыремъ—врачемъ.

Не безъ особеннаго указанія провидѣнія Божія суждено было о. Іоанну проходить пастырское служеніе именно въ Кронштадтѣ... Въ силу особыхъ условій, Кронштадтъ съ 60-хъ годовъ служилъ мѣстомъ ссылки для порочныхъ людей. Такихъ людей была масса. Въ средѣ нихъ началъ свою дѣятельность о. Іоаннъ, способствуя ихъ нравственному возрожденію. Какъ пастырь добрый, готовый положить душу свою за други своя, днемъ и ночью, не зная отдыха, по первому зову, являл-

ся онъ въ убогія жилища бѣдныхъ, потерянныхъ, а иногда и прямо порочныхъ людей, молился съ ними, утѣшалъ, согрѣвалъ добрыми совѣтами сердца ихъ, черствыхъ людей, помогаль имъ матеріально, и тѣмъ спасалъ ихъ отъ отчаянія и ужасной гибели. И вотъ о какомъ великомъ множествѣ душъ человѣческихъ, спасенныхъ имъ отъ вѣчной гибели, онъ, вѣримъ, имѣеть дерзновеніе сказать теперь предъ Престоломъ Всевышняго: «се азъ и дѣти, яже даде ми Богъ». Дѣятельность о. Иоанна въ области благотворенія всѣмъ извѣстна. Одною рукою онъ получалъ, другою отдавалъ немущимъ и бѣднымъ. И такимъ путемъ чрезъ его руки прошли милліоны рублей! Но хорошо понимая, что только трудъ воспитываетъ и исправляетъ человѣка, о. Иоаннъ въ 1882 году организуетъ первый у насъ въ Россіи Домъ Трудолюбія, по образцу котораго стали устраивать и въ другихъ городахъ... Но особенно благотворно служеніе о. Иоанна, какъ пастыря-молитвенника, стяжавшаго, какъ мы уже видѣли, высшій даръ христіанской молитвы—молитвы, исцѣляющей и спасающей. За этимъ даромъ, когда уже оказывалось безсильнымъ всякое человѣческое могущество, могущество знанія и науки, шли къ нему не одни православные, но лютеране, католики, даже магометане и евреи, и о. Иоаннъ Кронштадтскій, какъ-бы переступивъ за предѣлы своей церкви и даже выйдя изъ границъ своего исповѣданія, шель, какъ всемірный молитвенникъ и цѣлитель, на помощь всемірной нужды, всечеловѣческому страданію, показывая тѣмъ величіе Св. Православной Церкви Христовой, какъ носительницы полноты даровъ Духа Святаго. И какія трогательныя письма получалъ о. Иоаннъ, какъ всемірный молитвенникъ! Вотъ писалъ ему одинъ мальчижъ изъ Швеціи. «Я слышалъ, что ты лечишь людей—молитвою; моя мама сошла съ ума и лежитъ въ больницѣ; мнѣ скучно безъ мамы. Помолись, чтобы моя мама выздоровѣла!» Или вотъ еще: молодые изъ Америки писали, что они очень счастливы и просятъ о. Иоанна помолиться, чтобы и впредь имъ жить также счаст-

ливо. И какъ благопотребенъ былъ этотъ даръ чудесной молитвы исцѣляющей и спасающей, именно въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка! Въ лицѣ о. Іоанна предсталъ предъ изумленнымъ міромъ свѣтильникъ вѣры Христовой, яркимъ пламенемъ освѣтившій и разсѣявшій мракъ окружающей тьмы, мракъ безвѣрія. Воскресшее язычество, подѣ влияніемъ безбожія и разврата, пришедшихъ къ намъ съ запада, готово было завладѣть умами, проникнувъ во всѣ норы общественной жизни; оно постепенно вытравляло изъ души людей, особенно интеллигенціи, сознание дѣйственности христіанства. Вѣра!— что то далекое и точно даже мертвое слышалось въ семь словѣ для интеллигентнаго челоуѣка. Гораздо ближе было дѣйствіе естественно плотскихъ началъ, яснѣе сознавалась ихъ сила, ихъ власть!

Но вотъ явился о. Іоаннъ и, повторяемъ, воочію силою своей молитвы всѣмъ показалъ, что «Небеса живы, божественны и благодатны». Подобно тому, какъ въ эпоху монгольскаго ига, когда люди беспомощно опускали руки, теряли бодрость и энергію духа, Препод. Сергій, величайшій подвижникъ XIV в., своимъ примѣромъ всѣмъ показалъ, что не все еще доброе погибло въ рус. народѣ, такъ и о. Іоаннъ Сергіевъ, избранный сосудъ благодати Божіей, изволеніемъ Промысла Божія, въ концѣ XIX и началѣ XX в. всѣмъ показалъ силу и животворность поругиваемой и осмѣиваемой вѣры и Церкви Христовой. Теперь кто хочетъ спросить у христіанина, покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ, или другихъ, что дѣйствительно твое ученіе—жизнь, а не отвлеченная догма, онъ покажетъ имъ на о. Іоанна Кронштатскаго и тѣмъ оправдаетъ себя. Враги Церкви Христовой говорили и говорятъ—гдѣ чудеса, гдѣ знаменія? Мертва Церковь, мертва вѣра, она не въ силахъ сотворить знаменія. И вотъ на виду у всѣхъ—градъ на верху горы сталъ: жизнь о. Іоанна! Пусть не говорятъ, что онъ единиченъ. Подобно тому, какъ въ природѣ, пишетъ одинъ проповѣдникъ, высочайшія горы не встрѣчаются одни, но всегда окружены меньшими, такъ и въ

духовномъ мірѣ встрѣчаемъ тотъ же законъ. О. Іоаннъ былъ великимъ свѣтильникомъ, стоявшимъ на верху высокой горы, но тѣмъ же свѣтомъ вѣры Христовой горятъ въ храмахъ Св. Православной Церкви искренніе его сослужители, смиренные пастыри, орудія, слуги Небеснаго Домовладыки, Пастыреначальника Христа. И вы, съ гордымъ презрѣніемъ взирающіе на пастырство, помните, что вышедшій изъ среды его, о. Іоаннъ не одинокъ, что есть въ Св. Православной Церкви носители духа Ілии, и среди нихъ можетъ быть скрываются подобные ему. Когда слышишь ихъ молитву—спѣши обнажить главу, ибо велика въ ней сила, и ты видѣлъ ее. Когда видишь, какъ среди народной суеты идетъ смиренный сельскій пастырь,—почти его. Помни, что и онъ носитель дара молитвы Церкви Христовой, давшей и воспитавшей о. Іоанна. У насъ нѣтъ обычая писать и говорить о всѣхъ случаяхъ благодатныхъ воздѣйствій по молитвамъ пастырей Церкви. А они всегда были и будутъ!!! Сколько чудесъ и сейчасъ совершается при святыхъ чудотворныхъ иконахъ по молитвамъ Церкви Христовой.

III.

«Столбъ злобы богопротивныя, божественній отроцы обличиша: на Христа же шатающееся беззаконныхъ соборище, совѣтуетъ тицетная, убити поучается (8-я пѣснь трипѣснца Вел. Четверга).

Какъ это грозное обличительное церковное слово противъ убійць Христа исполняется и на вѣрныхъ служителяхъ Его, какимъ былъ о. Іоаннъ! О. Іоаннъ Кронштадтскій и графъ Левъ Толстой никогда не встрѣчались другъ съ другомъ лицомъ къ лицу, но въ исторіи Самосознанія Русскаго Общества конца XIX вѣка они встрѣтились не какъ друзья, а какъ враги, какъ противники, какъ встрѣтились, нѣкогда Давидъ и Голіаѳъ, и повели великій споръ. Это былъ споръ за народную душу. Кто же побѣдилъ въ этомъ бою?—Идите въ Іоанновскій монастырь, тамъ подъ сводомъ величествен-

наго храма, подъ бѣлоснѣжнымъ надгробіемъ изъ мрамора покойся тѣло почившаго пастыря словесныхъ душъ, несмолкаемо несутся надъ нимъ сладкіе трогательные звуки священныхъ пѣснопѣній, непрерывно движется народный потокъ съ молитвою, со слезами умиленія припадая къ дорогой гробницѣ, изливая свою душевную тревогу, сомнѣніе, скорбь и уходя съ просвѣтленною, успокоившеюся утѣшенной душой». О. Іоаннъ не умеръ, онъ живъ. Народъ, шедшій къ нему, когда онъ былъ съ нами, и теперь идетъ къ нему, какъ живому, къ своему «батюшкѣ», «молитвеннику», «цѣлителю», идетъ, и конца краю не видать этому народному морю, что несетъ свои волны къ гробницѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. Развѣ это не чудо побѣды—послѣднее чудо святого священника, что хотя онъ умеръ, но именно теперь и ожилъ передъ всѣми, продолжаетъ вліять, какъ и при своей жизни, на поступки, т. е. на судьбу цѣлыхъ сотенъ милліоновъ народа.—Такой апоѳеозъ славы у могилы о. Іоанна!

А вотъ другая могила: въ глухомъ лѣсу, надъ оврагомъ, заброшенная, провалившаяся. Ни креста, ни памятника. Только совы стонуть, да филины ухаютъ надъ этой брошенной могилой. Онъ памятникъ создалъ себѣ нерукотворный, къ нему не заростетъ народная тропа! Такъ говорили интеллигенты, желая создать апоѳеозъ славы своему кумиру! Но напрасно. Нѣтъ народной толпы у этой могилы. Правда, бываютъ иногда и здѣсь посѣтители изъ почитателей его. Но... лучше бы и не были. Змѣя, укусившая мальчика одного изъ почитателей такихъ, грозное предостереженіе намъ—бояться яда ученій того, кто въ могилѣ безъ молитвы и креста.

Такъ кто-же побѣдилъ въ этомъ, казалось, неравномъ бою? Кто взялъ себѣ народную душу?—Отвѣтъ ясенъ. «Ты идешь на меня съ мечемъ и копьемъ—сказалъ Давидъ Голиафу,—а я иду во имя Господне». Во имя Господне выступилъ Кронштадтскій Пастырь противъ вооруженнаго духомъ непокорности и гордости графа

Толстого. И побѣдилъ его. Но какую цѣною досталась эта побѣда смиренному пастырю? Именно столбъ злобы богопротивныя воздвигли жида противъ смиреннаго служителя Церкви Христовой за его рѣзкія обличенія богохульника и кощунника и революціи, посѣянной имъ. Съ самаго начала богоборчества, взявъ подъ свое покровительство его какъ разрушителя основъ церкви и Государства, еврейская пресса обрушилась цѣлымъ потокомъ грязи всевозможной лжи и клеветы на о. Іоанна, ставшаго на защиту церкви и государства. Да и теперь, послѣ кончины его, продолжается тоже.— Не могутъ простить смиренному священнику того, что онъ бичевалъ «Льва Толстого въ пору, когда графъ, убаюкивая власть словомъ мира и непротивленія злу, подготовлялъ русскую кровавую революцію и воспитывалъ своими писаніями будущихъ убійць и бомбометателей». Еще-бы простить имъ! Когда подъ влияніемъ проповѣди анархіи и разрушенія падала вѣра, колебались всѣ устои жизни, дрожалъ престолъ царскій; совершались кровавыя преступленія до царевубійствъ включительно; лилась кровь вѣрныхъ слугъ Царя, хранившихъ долгъ любви, чести и присяги; гремѣли выстрѣлы и бомбы кровожадныхъ слугъ революціи... Когда за всѣми этими ужасами имъ улыбалась такъ желанная имъ республика, или конституція безъ Самодержца Помазанника Божія... И вотъ разрушилъ о. Іоаннъ всѣ ихъ мечты и иллюзіи—указалъ власти на долгъ не напрасно носить мечъ, ибо начальникъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло». Призвалъ Божіе благословеніе на патріотическіе союзы и содружества и самъ состоялъ даже ихъ членомъ. Повторяемъ, не могла простить еврейская пресса о. Іоанну этой заслуги дорогой намъ отчизнѣ, и своими злобными выходками свела его въ могилу. Намъ такъ хотѣлось бы видѣть о. Іоанна служащимъ еще одну десятницу, но Промыслу Бога угодно было отозвать его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. Не зато ли Господь отозвалъ его отъ

насъ, что мы не умѣли защищать дорогого всѣмъ намъ батюшку о. Іоанна!

Вѣчная память дорогому незабвенному батюшкѣ о. Іоанну!

Прот. С. Ильменскій.

Различное пониманіе.

Читатели „Духовнаго Вѣстника“, можетъ быть, обратили вниманіе на мою небольшую замѣтку «О томъ, какъ иногда пишуге некрологи», помѣщенную въ № 2 за текущей годъ.

Говоря въ ней о надгробномъ словѣ свящ. А. Соколова, произнесенномъ при погребеніи прот. Чумаевскаго и напечатанномъ въ „Брат. Листкѣ“, я высказалъ свое мнѣніе, что авторъ надгробнаго слова, восхваляя покойнаго, преувеличилъ и дошелъ до кощунства (конечно, невольнаго), уподобивъ покойнаго, по чертамъ характера, пророку Іліи.

Свящ. А. Соколовъ въ статьѣ «Критика съ ревностью не по разуму», помѣщенной въ № 13, сдѣлавъ возраженіе на мою замѣтку, обратился къ іереямъ нашей епархіи и въ томъ числѣ къ бывшему редактору „Духовнаго Вѣстника“ съ просьбою высказаться по вопросу, возбужденному мною въ замѣткѣ. По прочтеніи статьи о. Соколова, у меня вскорѣ же явились всѣ тѣ мысли которыя изложены въ настоящей статьѣ, но я медлилъ съ написаніемъ ея. Медлилъ потому, что ожидалъ, не выскажется ли кто либо изъ іереевъ раньше меня. Ждалъ болѣе полгода со времени напечатанія статьи о. Соколова, однако, ожидаемаго мною не случилось: никто не написалъ по недоумѣнному вопросу. Теперь я рѣшилъ написать свои мысли въ поясненіе высказаннаго мною мнѣнія въ моей замѣткѣ. Посему пусть не покажется появленіе этой статьи запоздалымъ.

Въ своей замѣткѣ я указалъ только, что о. Соколовъ злоупотребилъ именами святыхъ и дошелъ до кощунства, а о. Соколовъ въ своемъ возраженіи зачѣмъ то усугубляетъ мои обвиненія, говоря, будто бы я обвинилъ его въ дерзкомъ кощунствѣ и чуть не въ хлыстовствѣ;—кажется, такой приѣмъ не литературный. А затѣмъ проявляетъ и насмѣшку по отношенію ко мнѣ, находя во мнѣ желаніе явить себя міру вторымъ Бѣлинскимъ,—это тоже не свойственный духовной литературѣ приѣмъ.

Восхищаясь своимъ ораторскимъ приѣмомъ уподобленія умершаго протоіерея взятому живымъ на небо прор. Іліи, о. Соколовъ говоритъ, что и первоклассные проповѣдники пользовались такимъ приѣмомъ и однако не привелъ ни одного при